

Высказав вздох восхищения, Пань Сюань почтительно повернулся и предстал перед Юань-ши Тянь-цзунем.

На его лице читалось такое предвкушение и трепет, что он тихо произнес:

— Отец, раз уж Прародитель Дао изволил высказаться и клан Ву и клан Демонов не смеют развязывать войну в течение трех тысяч лет, у меня родился один замысел.

С тех пор как я обрел человеческий облик на горе Бучжоу, я неизменно следовал за отцом обратно на гору Куньлунь и до сих пор толком не изведал удивительного очарования этого мира Хунхуан.

Поэтому я прошу отца позволить мне пройтись по просторам Хунхуана и расширить свой кругозор.

В глазах Пань Сюаня мерцал огонек детского любопытства к миру Хунхуан.

Услышав слова Пань Сюаня, Юань-ши Тянь-цзунь слегка кивнул, погрузившись в раздумья.

Теперь, когда Прародитель Дао издал указ и в ближайшие три тысячи лет масштабной войны в Хунхуане не предвидится, это действительно подходящее время для закалки Пань Сюаня.

Поразмыслив немного, он с мягким взглядом посмотрел на Пань Сюаня и неторопливо заговорил:

— Сюань-эр, раз уж ты твердо решил покинуть гору Куньлунь и попытать счастья, как может отец не поддержать тебя?

Однако ты должен пообещать отцу: как только истечет срок в трех тысяч лет, непременно возвращайся на гору Куньлунь.

Через три тысячи лет, когда разразится великая битва, возможности и опасности пойдут рука об руку. Но у нашего Учения Чжань столь глубокое основание, что в тех редких возможностях мы не нуждаемся — отец лишь уповает на твое благополучное возвращение.

Голос Юань-ши Тянь-цзуня звучал глубоко и уверенно, исполненный глубочайшей заботы.

Затем Юань-ши Тянь-цзунь слегка взмахнул рукой, и на его ладони вспыхнул мягкий свет, являя взору гладкую теплую нефритовую пластину.

Взяв ее, Юань-ши Тянь-цзунь передал пластину в руки Пань Сюаня и со всей серьезностью

произнес:

— Сюань-эр, береги эту вещицу пуще глаза.

Если в будущем, странствуя по Хунхуану, ты столкнешься с неразрешимой задачей или попадешь в беду, ни в коем случае не упорствуй понапрасну. Достаточно лишь задействовать эту нефритовую пластину, и отец сразу же почувствует это, поспешив к тебе на помощь со всех ног.

Пань Сюань обеими руками принял нефритовую пластину и, ощутив исходящее от нее слабое тепло, преисполнился трогательных чувств. Его глаза слегка покраснели, и он с твердостью кивнул:

— Отец, будь спокоен, вне дома я не посрамлю чести нашего Учения Чжань.

Попрощавшись с Юань-ши Тянь-цзунем, Пань Сюань позволил потокам духовной энергии взметнуться вокруг себя и, словно молния, вылетел за пределы горы Куньлунь.

В этот путь Пань Сюань не взял двух Сюаньфэн, подаренных Нюйва.

Его сердце было переполнено мечтами о мире Хунхуан, он жаждал странствовать в одиночку, собственными шагами измеряя эту бескрайнюю землю, душой и телом чутко внимая каждому дыханию и каждому пульсу вселенной Хунхуан.

Так Пань Сюань ступил на долгий путь.

Он скитался по миру Хунхуан в полном одиночестве, питаясь подножным кормом и ночуя под открытым небом. Время пролетело незаметно, словно белый скакун, мелькнувший у щели, и миновало ровно пятьсот лет.

В этот день он наконец добрался до места, о котором грезил всем сердцем — до горы Бучжоу, колыбели своего рождения.

Глядя на величественно возвышающуюся перед ним гору Бучжоу, Пань Сюань не мог не почувствовать трепета в груди, а воспоминания об увиденном и услышанном за минувшие пятьсот странствий хлынули потоком, подобно приливу.

Пань Сюань неспешно шагал между небом и землей, становясь свидетелем борьбы и падения бесчисленных живых существ.

Во время решающего мгновения обретения человеческого облика на них обрушивались чудовищные небесные кары, подобные апокалиптическим молниям.

Многие творения оказывались перед лицом этой напасти хрупкими, словно свечи на ветру.

Очередные раскаты грома сокрушительной лавиной обрушивались вниз, и несчастные, не в силах вынести подобного удара, в одно мгновение рассыпались прахом, а их души рассеивались.

Сами они таяли в этом мире, словно мыльные пузыри, оставляя после себя лишь бескрайнее сожаление — так, будто их никогда и не существовало на просторах необъятного Хунхуана.

Наблюдая за этим, Пань Сюань невольно предавался грустным раздумьям: угасшая жизнь казалась ему падающей звездой, прочертившей ночное небо — столь же мимолетной и бессильной.

Доводилось Пань Сюаню воочию наблюдать и за друзьями, что обретали облик вместе и по идее должны были рука об руку идти по долгому пути совершенствования, поддерживая друг друга.

Однако стоило возникнуть малейшему спору из-за ресурсов для культивации, как некогда прочные узы мгновенно рассыпались в прах.

В один миг они превращались в заклятых врагов, и в их глазах пылали жадность и гнев, сжигая дотла все прошлые чувства.

Бывшие товарищи сходились в жестокой схватке, вспыхивали переплетения заклинаний, перекрикивая друг друга ревом и проклятиями.

От прежней гармонии и взаимопонимания не оставалось и следа, а веселье и доверие растворялись безвозвратно.

В конце концов эта распря завершалась взаимным разочарованием: они поворачивались друг к другу спиной и расходились в разные стороны, разрывая любые связи так, будто никогда прежде не были знакомы.

Видя это, Пань Сюань лишь покачивал головой, сокрушаясь о тернистости пути самосовершенствования, способного сделать столь чистые узы столь хрупкими.

Более того, среди земных распрей уродливые стороны натуры разрастались до бесконечных масштабов.

Ради скудной выгоды иные теряли всякую человечность, безжалостно поднимая руку на многолетних друзей.

Кровавые картины тех расправ до сих пор отчетливо стояли перед глазами Пань Сюаня.

Сверкал холодный клинок, безжалостно вонзаясь в тело товарища, алая кровь фонтаном била наружу, мгновенно окрашивая землю в багровый цвет.

Тот, кто еще недавно был ближе всех, оседал на землю с глазами, полными неверия и отчаяния.

Убийца же оставался бесстрастным, и в его взгляде читались безумие и жадность.

Всякий раз, становясь свидетелем подобной жестокости, Пань Сюань не переставал удивляться тому, как человеческие желания способны превратить живое существо в столь жуткое создание.

По мере того как Пань Сюань приближался к горе Бучжоу, атмосфера между небом и землей становилась все более тяжелой.

Словно мрачная туча, нависшая над этими землями, разгоралась вражда между кланом Ву и кланом Демонов.

Пусть Прародитель Дао и установил правило, запрещающее масштабные войны на три тысячи лет, под этой мнимой гладью скрывались бурные течения.

Мелкие стычки вспыхивали здесь ежедневно, разгораясь с силой лесного пожара.

В глазах сородичей из клана Ву и клана Демонов горели ненависть и жажда убийства, словно они были кровными врагами, не способными делить одно небо.

Каждое столкновение сопровождалось потоками пролитой крови и безжалостно оборванными жизнями.

Звуки битвы сотрясали небеса, мрачный свод озарялся вспышками чар, и обе стороны сходились в беспощадной схватке.

Все больше тел падало на землю, и почва пропитывалась кровью насквозь, безмолвно повествуя о бесконечных страданиях и расправах.

Эти сцены глубоко запечатлелись в сердце Пань Сюаня, позволив ему еще острее осознать всю жестокость мира Хунхуан.

Благодаря им он также понял, насколько же в безопасности он находился на горе Куньлунь.

Преодолев долгий путь, Пань Сюань наконец достиг подножия горы Бучжоу.

Куда ни падал взгляд, повсюду виднелись селения клана Ву.

Эти племена располагались невероятно плотно, теснясь одно к другому и живописно устилая всю округу вокруг горы Бучжоу.

Каждое селение обладало своим неповторимым колоритом: убогие, но дышащие первобытной мощью деревянные хижины соседствовали с шатрами, сплетенными из звериных шкур.

Среди жилищ с уверенным размахом расхаживали крепкие, мощные воины клана Ву со сжатым в руке оружием;

женщины были заняты разделкой добычи и шитьем шкур, и вся община бурлила жизненной силой и энергией.

При этом все племена благоговейно и упорядоченно сгруппировались вокруг Храма Паньгу, возвышавшегося в самом сердце горы Бучжоу.

Храм Паньгу почитался священной обителью, превыше которой не было ничего в сердцах всех представителей клана Ву.

Даже издали Храм Паньгу казался незыблемым монументом, глубоко укоренившимся в эпицентре горы Бучжоу и простирающим свою защиту над племенами клана Ву со всех сторон.

Стоя у подножия горы Бучжоу, Пань Сюань воочию ощутил ту истовую веру, которую клан Ву питал к Храму Паньгу, и ту мощную силу, что спланивала вокруг этой святыни все племена.

Вскоре Пань Сюань стал прогуливаться в окрестностях горы, где некогда обрел человеческий облик.

В один прекрасный день у берега извилистой реки он заметил женщину, которая в одиночестве предавалась печали. Она облачилась в роскошное одеяние цвета поздней осенней листвы — глубокого и насыщенного бурого оттенка.

Ее верхняя половина тела являла собой образ пышной и величественной женщины: кожа, подобная нежнейшему бархатному жиру, излучала мягкое сияние, а умиротворенное и кроткое лицо таило во взгляде глубокую мудрость и бесконечное милосердие, казалось, способное постичь всю радость и горечь этого мира.

Укрывшись в тени, Пань Сюань устремил взгляд на эту грациозную фигуру.

Стоило ему бросить лишь беглый взгляд, как в его голове сами собой сложились догадки о незаурядном происхождении незнакомки.

Хотя Три Чистых и клан Ву еще не вступали в открытое противостояние, они явно желали друг другу скорейшей гибели.

Оказавшись в столь щекотливой ситуации, Пань Сюань мысленно запричитал, прекрасно понимая: если эта дева обнаружит его присутствие, бед и неприятностей не оберешься.

Поэтому он затаил дыхание и, сдерживая биение сердца, осторожно переставил ноги, надеясь незаметно скрыться из этого опасного места, пока она ничего не заметила.

Однако судьба любила преподносить сюрпризы.

Стоило ему лишь повернуться и сделать первый шаг, как до его слуха донесся звонкий голос, в котором отчетливо звенели холодные нотки:

— Раз уж пожаловал, к чему уходить молча?

Звук этот вмиг рассеял окружающую тишину, острием вонзившись в сознание Пань Сюаня.

Тело Пань Сюаня замерло, а в душе пронесся горький вздох — он понял, что его все же разоблачили.

Медленно повернувшись, он вернул лицу невозмутимое выражение. Пусть на сердце скребли кошки, иного выхода не оставалось, кроме как сделать над собой усилие и выйти навстречу этой женщине.

<http://bllate.org/book/19640/1930877>